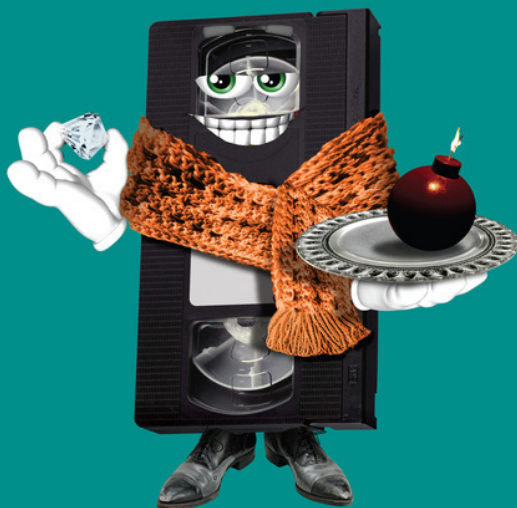

Урошеский Детектив

Наталья Александрова

Три Кита и быток в томате

Наталья Николаевна Александрова
Три кита и бычок в томате
Серия «Три подруги в поисках
денег и счастья», книга 8

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=152839

*Три кита и бычок в томате : [роман] / Наталья Александрова: АСТ,
Астрель; Москва; 2012
ISBN 978-5-17-075718-3, 978-5-271-38257-4, 978-5-17-075691-9,
978-5-271-38258-1*

Аннотация

Три неунывающие подружки – Ира, Жанна и Катерина – рискуют всерьез...

Молоденькая журналистка Настя успевает передать Ире некую кассету – и бесследно исчезает.

Что с ней случилось? Возможно, ответ кроется в записи на кассете? Но там – всего лишь интервью с министром культуры и фрагменты записи с выставки художника Вострякова...

Так, может быть, произошла какая-то ошибка?

Но тогда почему оператор, чье имя указано в титрах, уже стал жертвой киллера?

Катерина, Ира и Жанна начинают собственное расследование. Однако у них только одна зацепка – смутные воспоминания Кати, тоже посещавшей выставку Вострякова.

Что же там случилось? Вспомнить бы...

Книга также выходила под названием «Бриллиантовая уха».

Наталья Александрова

Три кита и бычок в томате

– Сейчас, подожди минутку... – гнусавым голосом про-
бормотала девушка, прижимая к лицу носовой платок, и
припустила в дальний конец холла, за пальму.

Оператор только покачал головой.

Им поручили снять материал о важном экономическом
форуме, проходившем в недавно открытой фешенебельной
петербургской гостинице. На этот форум прибыли крупные
предприниматели из ведущих европейских стран и из-за
океана, но наибольший интерес вызвало появление одного из
самых заметных деятелей российской экономики, человека,
пережившего несколько правительств и сумевшего устоять
на ногах, несмотря на жестокие политические ураганы.

Такое задание интересно каждому журналисту, оно мо-
жет стать поворотным моментом в карьере. Особенно если
удастся получить интервью у высокопоставленного гостя фо-
рума.

Они расположились в просторном, сверкающем огнями
холле, неподалеку от огромного бассейна с фонтаном, чтобы
перехватить знаменитого политика по пути к конференц-за-
лу, как охотники, подстерегающие дичь на тропе, ведущей к
водопою...

По краю бассейна были выставлены кадки с комнатными

растениями. Были тут пальмы, фикусы всех видов, олеандры и цитрусовые деревья. Особую гордость садовника составляла цветущая юкка. Юкка хорошо растет в помещении, но очень редко цветет. Но здесь, в холле, под сильным светом, растение вдруг выпустило стебель толщиной с руку ребенка, усыпанный крупными колокольцами цвета топленых сливок. Все вместе напоминало огромное соцветие ландыша, выше человеческого роста.

Посетители отеля любовались диковинным цветком, но именно в этот момент у девушки-репортера начался сильный аллергический насморк. В таком виде нечего было и думать об интервью с выдающимся человеком.

К счастью, она захватила с собой флакон с лекарством, хоть и не знала о проклятой юкке, и теперь, спрятавшись в укромном уголке, закапывала в нос чудодейственный состав.

Запрокинув голову, девушка невольно взглянула в одно из бесчисленных зеркал, украшавших стены холла.

И увидела в этом зеркале что-то очень странное.

Один из официантов, обслуживающих форум, закатил в укромный уголок сервировочный столик, накрытый белой крахмаленной скатертью. В этом, собственно, не было ничего особенно странного. В конце концов, сама журналистка точно так же скрылась от людских глаз, чтобы воспользоваться своим лекарством. Может быть, у официанта тоже возникли какие-то проблемы со здоровьем. Или он хотел устранить беспорядок в сервировке.

Однако в самом лице официанта, в его повадках чувствовалось что-то неправильное, что-то слишком подозрительное. Он был несколько староват для своей профессии – около пятидесяти, с длинными седеющими волосами, но при этом худощав, подтянут и собран. Весь его облик невольно напоминал хищного зверя, опасного и беспощадного. Зверя, готовящегося к смертоносному прыжку.

Странный официант настороженно, подозрительно огляделся по сторонам.

Журналистку он не замечал – их разделяла пальма, и она видела его только благодаря сложной игре отражений.

«Это мои фантазии, – подумала девушка, поспешно убирая в сумочку флакончик с лекарством. – Насмотрелась американских боевиков и теперь выдумываю неизвестно что... нужно скорее возвращаться на свое место, а то не видать мне интервью как своих ушей».

Она бросила последний взгляд на отражение подозрительного официанта... и снова в ее душе мелькнуло какое-то нехорошее предчувствие.

Официант откинул край скатерти, и девушка увидела предмет, совершенно не похожий на блюдо с деликатесами, сервировочную вазу или на столовый прибор. Это было какое-то непонятное и подозрительное устройство.

«Бомба? – подумала девушка, до боли сжав кулаки. – Неужели это бомба?»

Она моргнула... и отражение загадочного официанта ис-

чезло.

В зеркале отражались только краешек бассейна и покачивающаяся над ним ненавистная юкка.

«Наверное, мне все это померещилось, – попыталась девушка успокоить себя. – Здесь приняты очень строгие меры безопасности... в конце концов, это совершенно не моя забота. Этим должны заниматься профессионалы, а если я сунусь к ним со своими подозрениями, меня только поднимут на смех».

Она тряхнула головой и бросилась на свое рабочее место. – Где ты пропадаешь? – зашипел на нее оператор. – Гости форума уже пошли!

Он медленно вел вдоль ряда посетителей объективом телекамеры, выхватывая известные всей стране властные, значительные лица. Девушка откашлялась, включила микрофон и начала сопроводительный текст. К счастью, лекарство подействовало, и голос стал вполне нормальным. Она увлеклась привычной работой и через несколько минут забыла о своих опасениях.

Один за другим через холл проходили политики и финансисты. Вдруг шум в зале усилился, журналисты и телевизионщики засуетились, пробираясь ближе к эпицентру событий: в зале появился крупный мрачноватый мужчина с маленькими пронзительными глазками, как будто видящими каждого насквозь. Он шел медленно, тяжело ступая, словно тащил на себе непомерный груз – груз своих обязанностей и

еще более тяжкий груз всенародной нелюбви, сопровождавшей его на всем протяжении служебной карьеры.

Путь политика пролегал очень близко от места, предусмотрительно занятого журналисткой, и она приготовилась атаковать его в надежде получить интервью.

И тут краем глаза она увидела сервировочный столик. Тот самый столик на колесиках, с которым возился подозрительный официант за пальмой.

Столик, аккуратно накрытый крахмальной скатертью, стоял в двух шагах от фонтана, и знаменитый политик медленно, но неуклонно приближался к нему.

Девушка бросилась вперед – то ли для того, чтобы предупредить охрану политика об опасности, то ли для того, чтобы все же получить запланированное интервью. Ее схватил за руку один из охранников, попытался отодвинуть в сторону. Он что-то говорил, но девушка не слышала ни слова, то ли от волнения, то ли от окружающего шума. Ей казалось, что кто-то просто выключил звук и плечистый парень открывает рот, не издавая ни звука.

– Стол! – выкрикнула она. – Там бомба!

– Что? – переспросил он и прошипел, приблизив рот к ее уху: – Не лезь не в свое дело!

Однако что-то в ее лице все же насторожило охранника, он повернул голову...

И в это время сам политик, видимо, кожей почувствовавший опасность, остановился, еще больше помрачнев, попя-

тился и пошел в другую сторону, по широкой дуге обходя бассейн вместе со стоявшим возле него столиком.

И тут прогремел взрыв.

Над сервировочным столиком вспух огромный огненный шар, поверхность которого лопнула, как перезревший плод, рассыпая вокруг огненные брызги.

Время замедлилось, как это бывает в страшном сне, и на какое-то время наступила глухая, чудовищная тишина.

Охранник, все еще оттеснявший журналистку, резко толкнул ее на пол и бросился к своему патрону. Но его опередил другой коллега и в прыжке попытался свалить политика с ног, чтобы того не задело осколками. Однако знаменитый человек стоял прочно, как скала, и только мрачно оглядывался по сторонам. Охранник обхватил его, прикрывая своим телом, и глухо закричал. По его спине пробежала широкая кровавая полоса, как будто огромный кнут рассек его кожу.

Журналистка поднялась на колени, пытаясь разглядеть и запомнить все происходящее.

Только теперь на нее обрушились шум и гомон сотен голосов, крики раненых, голоса журналистов, спешащих первыми передать в эфир сообщения о происшедшей трагедии. Политик все еще мрачно оглядывался. Судя по всему, он не пострадал, но вот охранник, прикрывший его своим телом, лежал на полу, то и дело судорожно вздрагивая. С другого конца холла к нему бежали люди с носилками.

– Давай сюда! – окликнул журналистку оператор. – Я все снимал! Материал будет – первый класс!

Глаза оператора горели, он испытывал тот удивительный подъем, какой бывает у журналиста, оказавшегося свидетелем настоящего События, свидетелем Сенсации.

Но девушку словно сковал какой-то странный паралич. Она с трудом заставила себя подняться на ноги и медленно доковылять до возбужденного оператора.

Рядом с ней сотрудник конкурирующего телеканала уже торопливо вещал в микрофон:

– Только что, буквально на наших глазах, произошло покушение на известного всей стране политика. В холле новой петербургской гостиницы, где проходит экономический форум, была взорвана бомба. Это уже третье покушение на одного и того же человека. К счастью, охрана вновь была на высоте, и покушение не увенчалось успехом. Никто, конечно, не видел самого исполнителя...

«Кое-кто видел, – подумала журналистка. – Кое-кто видел!»

И она почувствовала, как мерзкий, липкий страх наполнил все тело до кончиков пальцев.

– Ну что? – с тревогой спросила Ирина, понимая в душе, что ничего хорошего ей не скажут. Так и оказалось.

– Воля твоя! – с отчаянием крикнула дочь. – Но все это никуда не годится!

– Но что же делать! – вздохнула Ирина. – Придется идти, в чем есть...

Наташка глазами выразила все, что она думает о своей легкомысленной и безответственной матери, и вышла из комнаты, хлопнув дверью. Ирина снова тяжело вздохнула и оглядела разоренное помещение. По всей комнате валялись одежда, белье и предметы туалета. На разложенном диване лежали два платья, еще одно, синее, было на Ирине.

«Наташка права, – с тоской подумала Ирина, – это синее еще хуже, чем те. А я так на него рассчитывала...»

Ирине ужасно нравилась ее работа – писать детективы. Собственно, работой это трудно было назвать: как известно, то, что приносит удовольствие, – это уже не работа. Нельзя сказать, что все в ее деятельности было безоблачным – бывали дни, когда Ирина называла себя бестолочью, бездарностью, чувствуя, что не может написать больше ни строчки. Однако когда очередной роман был закончен, ее охватывало чувство необычайного удовлетворения. А уж когда она видела, что на лотках и в магазинах появилась очередная новая книжка, радости не было предела.

«Неужели это я – скромная домохозяйка, неудачница, как считали некоторые, – смогла написать двенадцать романов, которые расходятся весьма приличным тиражом? Неужели это мои книжки читают люди, проглатывают залпом, передают друг другу и жадно спрашивают продавцов: “А Снегиревой нет? Ах, эта книжка... я уже ее читала. А когда новая

выйдет?”».

Слов нет, работа приносила Ирине много радости. Были в ней также и другие плюсы. Не нужно было каждое утро вставать рано, с трудом продирая глаза, с тоской одеваться и ползти на службу, трясясь в переполненном вагоне метро и рассматривая заспанные лица таких же, как она, горемык. Не нужно было интриговать и прогибаться перед начальством, добиваясь очередного повышения зарплаты. Не нужно было портить желудок бутербродами или сомнительными блюдами из ближайшего бистро. Не нужно было тратить каждое утро уйму времени на макияж и выбор одежды.

Но была в этом и другая сторона медали. Ирина мало куда выходила, за что ее очень осуждали подруги и дочка. Что делать, если писательский труд требует уединения и тишины?

Есть такая пословица: «Было нечего надеть – стало некуда носить». Раз некуда, то и не надо покупать лишней одежды, только шкафы загромождать.

Неприятности подступили, как всегда, когда их меньше всего ждешь.

Издательство, где уже несколько лет работала Ирина, справляло свой юбилей – десять лет существования. По такому случаю устраивали торжественный банкет в самом шикарном ресторане города. Ирине прислали приглашение заранее. Она наскоро перебрала свой гардероб и осталась довольна – имелось три более-менее приличных платья, в которых можно было пойти в ресторан. Наташка была совершен-

но права в своем недовольстве, потому что Ирина легкомысленно оставила вопрос выбора платья на последний день. И вот сегодня уже банкет, а оказалось, что идти совершенно не в чем: черное маленькое платье «Шанель» выглядит далеко не новым, на подоле темно-бордового с бретельками обнаружилось какое-то несмываемое пятно, а синее относительно новое, на которое Ирина возлагала основные надежды, слишком свободно в груди и вообще плохо сидит.

Под диваном послышалась какая-то возня, и на свет выполз симпатичный рыженький кокер Яша. Он грустно поглядел на хозяйку и бочком направился к двери. Кажется, он тоже не одобрял Иринино легкомыслия.

Ирина снова вздохнула и прислушалась. Наташка разговаривала по телефону.

– Это тетя Жанна звонила, – злорадно сообщила она, заглядывая в дверь, – я ей рассказала о наших проблемах, она будет минут через сорок.

– Ну зачем! – простонала Ирина. – Только Жанки мне сейчас не хватало!

Жанна Ташьян, близкая подруга, была деловой, успешной и обеспеченной женщиной. Вот уж у кого в гардеробе имелись туалеты на все случаи жизни. Жанна обожала дорогую и модную одежду и не скупилась, тратя деньги на себя, любимую. Еще Жанна обожала новые машины, водила отлично, так что можно не сомневаться: раз сказала, что появится через сорок минут, значит, так оно и будет. И она, конечно,

поможет. Беда в том, что Ирина не слишком доверяла Жанкиному вкусу. Подруга обожала все яркое, преимущественно красных оттенков, к тому же вызывающих фасонов.

Через сорок минут раздался напористый звонок в дверь, и Яша тотчас улепетнул из прихожей. Он не слишком жаловал Жанну, она могла шлепнуть газетой или вообще в нервах наступить на лапу. Иное дело другая Иринина подруга – Катя. Вот с той у кокера было полное единение душ. Оба обожали ветчину, котлеты, крабовые палочки, сыр и другую калорийную пищу.

– Ну? – поинтересовалась Жанна с порога. – Что у вас стряслось? Зачем шмотки понадобились?

– Матери на банкет идти в приличный ресторан, а она в такое платье вырядиться хочет – ну просто полное убожество! – тут же высунулась Наташка.

«И это чудовище я родила в муках!» – привычно подумала Ирина.

Жанна пролетела в комнату и уставилась на разбросанные платья.

– Да уж, – произнесла она через некоторое время, – такого я от тебя, Ирка, не ожидала. Ладно бы еще Катерина задумала так вырядиться. Но чтобы ты...

– Катерина в эти платья вообще не влезет! – возмутилась Ирина. – Что ты меня с ней сравниваешь!

Катерина имела фигуру круглую, как шарик, но ни капельки от этого не расстраивалась.

– Это, с позволения сказать «Шанель», давно пора выбросить, – сказала Жанна, не поведя бровью. – Это вишневое... – она понюхала пятно, – кажется, мазут. Ты что, на дороге в нем валялась? А уж этот синий балахон, – продолжала милая подруга, не дождавшись вразумительного ответа, – как тебе в голову могло прийти его купить?

– Я похудела, – угрюмо сказала Ирина, – вот оно и стало чересчур свободно.

– Похудела – это хорошо! – оживилась Жанна. – Значит, тебе мое налезет!

И она развернула перед изумленными мамой и дочкой шуршащий пакет.

Платье было шикарным. Собственно, в этом Ирина и не сомневалась. Не сомневалась она и в том, что платье будет ярко-красным. Безумно открытое, совершенно без плеч, туго прихваченное в талии, еще какие-то перья, блески и воланы.

Наташка восторженно ахнула, Яша, тайком просочившийся в комнату, тоненько взвизгнул.

– Надевай! – крикнула Жанна. – Время дорого!

– Да как оно держится-то? – сопротивлялась Ирина.

– На липучках, – прошипела Жанна. – Яшка, пошел вон!

– Слушай, я же все-таки писательница, а не опереточная примадонна!

– Да?! – заорала Жанна. – А ты приглашение то читала? Что в нем сказано? Дресс-код «black tie»! А это значит, что у

женщины должно быть вечернее открытое платье, длинное! А ты что за обдергай собралась нацепить?

– Во-первых, если до пяти часов, то можно платье-коктейль, то есть короткое... – слабо сопротивлялась Ирина, – а во-вторых, я звонила девочкам в издательство, они сказали, что нарочно такой дресскод написали. Потому что писатели это такие люди, если напишешь «formale» – они в драных джинсах придут! В общем, это платье я не надену, лучше вообще никуда не пойду!

Жанна уставилась на подругу, кипя от злости. Но через некоторое время поняла, что Ирина действительно не уступит. Когда нужно, она умела быть твердой.

– Господи! – воскликнула Жанна, сдаваясь. – Ну неужели у тебя не было времени побегать по магазинам?

– Я купила, – сообщила Ирина, – туфли.

– Туфли хорошие, – признала Жанна, – итальянские. Ну ладно, тогда еще одна попытка.

И она развернула еще один пакет. Это платье было лиловым с серебристым отливом, фасон чуть скромнее. Жанна зорко следила за Ириной и нашла в ее лице признаки слабости.

– Имей в виду, это последнее!

– Ну почему у тебя нет обычного черного платья? – сказала Ирина, чтобы не сдать позиции так быстро.

– Ты отлично знаешь, что черное мне не идет! – последовал холодный ответ. – Я со своим носом похожа в черном на

ворону, которую кошки драли, но выпустили...

Ирина в который раз поразилась Жанкиному умению называть вещи своими именами. Язычок у подруги острый, ни себя не щадит, ни других!

Платье сидело отлично и так шло Ирине, что Жанна потемнела лицом. В последний момент Ирина выпросила все же шарфик из органзы, чтобы не чувствовать себя такой оголенной.

Переулок перед входом в ресторан был перегорожен, и возле ограды прогуливались плечистые молодые люди в официальных черных костюмах.

– Я тебя в сторонке высажу, – сказала Жанна, – а то эти небось пропуск потребуют.

Ирина сказала, что дойдет сама, и распрощалась с подругой. Пока что платье было скрыто под летним пальто, так что Ирина чувствовала себя вполне свободно. Она не спеша приближалась к ограждению, с любопытством оглядываясь по сторонам. И в это время кто-то тронул ее за рукав.

– Вы ведь Ирина Снегирева, да? – спрашивала довольно высокая худая девушка в черных джинсах и кожаной короткой курточке.

– Ну да. – Ирина улыбнулась, подумав, что девушка собирается попросить автограф.

Не слишком часто, но бывали случаи, когда ее останавливали на улице. Однако в руках у девушки не было ни ручки,

ни бумаги, ни книжки. Она оглянулась и потянула Ирину в сторону.

– Я Настя, Настя Лукьянова, – говорила она на ходу, – мы с вами встречались на канале «Что» месяца два назад.

«Не помню, – подумала Ирина, – как неудобно...»

– Вы извините меня, – тараторила Настя, – но мне просто не к кому обратиться...

Ирина насторожилась. Девушка выглядела более менее прилично – одежда не грязная, не мятая, волосы хоть и растрепанные, но чистые, однако глаза лихорадочно блестели, и вообще вид был какой-то беспокойный.

«Если попросит денег, дам немного, – подумала Ирина, – а не отстанет, охрану крикну».

– У меня к вам большая просьба...

«Так я и знала», – констатировала Ирина, сохраняя на лице отстранено-приветливую улыбку.

– Вы не могли бы передать этот пакет Андрею Званцеву? Это редактор с канала «Что», он обязательно будет на сегодняшнем мероприятии. Думаю, он уже там, я, наверное, его проворонила...

– А что в пакете? – спросила Ирина. – Не поймите меня превратно, но я не могу нести мимо охраны неизвестные предметы...

– Что вы! Там ничего опасного, просто кассета! – Девушка развернула пакет с логотипом канала «Что» и продемонстрировала Ирине обычную видеокассету в прозрачной коробоч-

ке. – Тут некоторые материалы... я разговаривала с Андреем по телефону, он знает, о чем речь. – Видя, что Ирина колеблется, девушка удвоила напор: – Я вас очень прошу, это очень важно, буквально вопрос жизни и смерти! – В ее голосе зазвучали слезы, и Ирина не устояла, тем более что вспомнила наконец эту девушку.

И правда, когда месяца два назад ее приглашали на канал «Что», она говорила с Настей и даже подарила ей книжку.

– Ну хорошо, значит, Андрей Званцев, канал «Что», я запомню.

– Только обязательно ему одному в собственные руки! – крикнула Настя и пошла быстро, почти побежала в сторону.

Ирина перехватила подозрительный взгляд ближайшего охранника. Она пожала плечами и направилась к ресторану.

Настя завернула за угол и остановилась, чтобы перевести дух. Сердце колотилось часто-часто, как будто она бежала кросс полтора километра. Встречная женщина посмотрела с подозрением и машинально переложила сумку в другую руку.

«Так нельзя, – расстроилась Настя, – люди обращают на меня внимание, у меня подозрительный вид. Нужно взять себя в руки и успокоиться...»

Она тут же поняла, что не может этого сделать. Страх, сжимавший ее изнутри цепкой когтистой лапой, никак не проходил. Уже больше суток ужас терзал ее попеременно, то

слегка затихая, то начинаясь с новой силой, и от этого было еще хуже.

Настя трясущейся рукой достала сигареты и закурила, хотя понимала, что делать этого не следует. Нужно как можно скорее уйти отсюда, чтобы не привлекать к себе внимания. Однако она не удержалась и выглянула из-за угла. Хорошо, что ей подвернулась эта писательница Ирина Снегирева, хорошо, что Настя сумела убедить ее взять кассету. Теперь ей не нужно маячить перед рестораном и ловить Андрея. И это правильно, не нужно, чтобы их видели вместе.

Настя горько усмехнулась своим мыслям. «Видели» – во множественном числе – стало быть, их много! Но ведь на самом деле она боится только одного человека, боится до дрожи, до боли в висках, до спазмов в животе...

Снегирева долго копалась на входе, но в конце концов ее пропустили. И хоть Настя понимала, что это еще полдела, от сердца немного отлегло. Снегирева передаст кассету Званцеву, и он поможет. Не может не помочь, ведь он обещал. Только ему Настя может доверять, у него есть возможности...

«Будь осторожна, – сказал ей Андрей при последнем разговоре, – все это очень опасно...»

Как будто она сама не знает! Ладно, нужно уходить отсюда, она все сделала правильно, Званцев будет доволен.

Усилием воли Настя выпрямила спину и пошла, стараясь не оглядываться и не шарахаться от каждой тени.

Над входом в ресторан из голубых воздушных шариков была сооружена огромная буква «Х». Ирина не сразу поняла, что это вовсе не буква, а латинская цифра десять. Поднимаясь по крыльцу, Ирина споткнулась и едва не упала. Решив не придавать этому инциденту значения и не считать его дурным предзнаменованием, она широко улыбнулась и вошла в предупредительно распахнувшуюся перед ней стеклянную дверь.

– Добро пожаловать! – с такой же широкой улыбкой кинулся ей навстречу молодой человек, которого она пару раз видела в коридорах издательства. – Ваше приглашение, пожалуйста!

– Сейчас... – Ирина открыла сумочку. – Оно где-то здесь... одну минуту...

Ей попались ключи от квартиры, пудреница, конфета без сахара, использованный театральный билет, тюбик губной помады фирмы «Шанель», шариковая ручка с названием издательства, еще один тюбик французской губной помады, который она считала давно потерянным, пуговица от демисезонного пальто, еще одна диетическая конфета и металлический жетон с номером телефона, оторвавшийся от Яшиного ошейника.

– Вы проходите? – раздраженно поинтересовался у нее за

спиной надутый мужчина с густыми всклокоченными бровями. – Или проходите, или отойдите в сторону!

– Сейчас, минутку... – Ирина готова была провалиться сквозь землю.

Улыбка начала сползать с лица издательского молодого человека.

И тут наконец чертово приглашение нашлось. Оно каким-то образом вынырнуло из сумочки прямо в руку.

– Вот же оно! – Ирина со вздохом облегчения протянула картонный прямоугольник молодому человеку. Улыбка снова вернулась на его лицо, и он радушно воскликнул:

– Добро пожаловать, Ирина Анатольевна!

Раздевшись, Ирина миновала просторный холл, главным украшением которого являлся просторный аквариум без воды, посреди которого застыла огромная черепаха с трагическим выражением морщинистой морды, которое было бы более уместно на лице стареющей актрисы. Возле большого зеркала в дальнем углу холла толпились несколько издательских девушек. Девушки все были как на подбор высокие, длинноногие, в красивых платьях. Они проводили Ирину заинтересованными взглядами. Видимо, Жанна была права, когда заставила Ирину надеть это лиловое платье.

Просторный зал ресторана был заставлен круглыми столиками, большая часть которых была уже занята. Перед входом в зал у Ирины еще раз попросили приглашение и указали на ее столик. Соседями ее по столику оказались Ар-

тем Мармеладов, автор популярных пособий вроде «Как заработать свой первый миллион» и «Как выгодно развестись с миллионером», и Сусанна Паперная, рослая, плечистая девушка лет сорока, специализирующаяся на эротической прозе. Обильные тела Сусанны нарочито выпирали из облегающего шелкового платья интенсивного розового цвета.

Четвертое место за столиком было пока свободно.

– Отлично выглядишь, милочка! – проворковала Сусанна, смахнув с плеча Ирины воображаемую пушинку. – Твоя новая книга – просто блеск! Мымрина отдыхает!

Поскольку точно такую же фразу Сусанна говорила при каждой встрече, Ирина не придавала ей большого значения.

– Девушки, двадцать рублей не одолжите? – заныл Мармеладов, который, как всегда, был на мели. – На сигареты нету... а лучше пятьдесят, чтобы не мелочиться...

– Могу угостить, – усмехнулась Сусанна и протянула Артему пачку «Вог».

– Я таких не курю! – заныл Мармеладов. – Это женские сигареты, слишком легкие!

Ирина молча сунула ему полтинник.

– Сердечно благодарю! – воскликнул Артем. – Непременно верну! Непременно! С первого же гонорара!

– Можешь с первого миллиона, – усмехнулась Ирина.

Она озабоченно оглядывалась по сторонам, отыскивая взглядом телевизионщиков.

Возник запыхавшийся Есаулов и занял свободное место.

Бывший сотрудник редакции, последние несколько лет Андрей Есаулов писал забойные боевики за популярного автора Неспанского. Сам Неспанский периодически выныривал из глубокого запоя, проглядывал мутным глазом очередной шедевр, вышедший из-под пера своего литературного заместителя, величественно кивал и, произнеся свое любимое слово: «Занозисто!» – ставил внизу рукописи свою размашистую подпись.

Есаулов поздоровался с коллегами, тряхнул густым казацким чубом и шепнул на ухо Ирине:

– Ждут Камергерова, поэтому и не начинают!

Наконец в дверях произошло оживление, и в окружении свиты появился крупный московский чиновник Камергеров. Вместе с ним возникла и шумная толпа журналистов, которые тянулись к большому человеку микрофонами и телекамерами.

Среди этой озабоченной братии Ирина заметила мрачного одутловатого мужчину, на телекамере которого красовалась яркая наклейка «Что».

Дождавшись, когда телевизионщик отошел от Камергерова, Ирина встала из-за столика и направилась к нему.

Вслед ей донесся завистливый шепот Мармеладова:

– Ну конечно, наша Агата Кристи пошла на абордаж! Каждый человек – сам кузнец своей популярности!

«Делай после этого людям добро!» – подумала Ирина.

Она поравнялась с телевизионщиком и вежливо обрати-

лась к нему:

– Простите, вы, случайно, не Андрей Званцев?

Тот отчего-то уставился на нее с ненавистью и рывкнул:

– Нет!

– А где он? Он сегодня придет?

– Не придет! – Мужчина заскрипел зубами и демонстративно повернулся к Ирине спиной.

Ирина недоуменно пожала плечами и попятилась.

«В чем дело? – подумала она, остановившись возле огромного зеркала и придирчиво оглядев свое отражение. – Почему этот мужчина так мне хамит? Ему на вид лет сорок... самый тот возраст, я должна еще вызывать у него естественный мужской интерес... Неужели я сегодня плохо выгляжу? Да нет, платье сидит отлично, и вообще, с внешностью вроде все в порядке... тем более что все остальные поглядывают заинтересованно...»

Убедившись, что выглядит действительно неплохо, Ирина предприняла еще одну попытку. Подойдя к телевизионщику, она мило улыбнулась, преодолев вполне оправданное раздражение, и еще раз спросила:

– Так все же как мне отыскать Андрея Званцева? Дело в том, что я должна...

– Никак! – прорычал мужчина, и по его лицу было видно, что он готов ее растерзать. – Дамочка, не мешайте работать! Вы разве не видите – в отличие от вас я занят делом!

– Не заметно, – проворчала Ирина и отошла, второй раз за

несколько минут убедившись, что в наше время делать людям добро – бесполезное и небезопасное занятие.

Она направилась обратно к своему столику, перехватив злорадный взгляд Мармеладова, который пристально следил за ее безуспешными переговорами.

– Да, Ирочка, – проговорил Артем медовым голосом, когда она села на свое место, – нелегко он, писательский хлеб! А эти, представители «четвертой власти», до того обнаглели... совершенно ничего не хотят делать бесплатно!

«Попроси еще у меня в долг! – раздраженно подумала Ирина. – Копейки не дам!»

В это время на сцену поднялся известный телевизионный ведущий и объявил о начале праздника. Одного за другим он вызывал к микрофону сотрудников и авторов издательства, которые обменивались поздравительными речами, соперничая в красноречии и остроумии. Бойкие официанты сновали между столиками, разливая шампанское. В общем, вечер шел своим чередом. Ирина тоже выступила с коротеньким поздравлением и вернулась к столику. Она выпила бокал шампанского и немного расслабилась, постаравшись забыть о неприятном инциденте. Галантный Есаулов ухаживал за ней, подкладывая на тарелку деликатесы и рассказывал на ухо редакционные сплетни.

От выпитого шампанского Ирине стало жарко, и она решила выйти в дамскую комнату, чтобы поправить макияж. Она стояла перед зеркалом, когда возле нее появилась невы-

сокая кругленькая девушка в джинсовом костюме. Судя по этому костюму и озабоченному виду, она не принадлежала к числу гостей, а была одной из журналисток.

– Вы спрашивали про Андрея Званцева? – спросила она Ирину вполголоса.

– Да! – Ирина оживилась и повернулась к ней. – А что – он все же приехал?

– Нет. – Девушка выглядела очень огорченной. – Дело в том, что он сегодня действительно должен был здесь работать, но по дороге попал в аварию, его отвезли в больницу, в тяжелом состоянии... а Стаса Воробьева срочно вызвали делать репортаж вместо него, вот он и злится!

– Ну уж я-то совершенно ни в чем не повинна, – проговорила Ирина с плохо скрытым раздражением. – А он на меня набросился, как голодный бультерьер!

– Извините его. – Девушка потупилась. – Понимаете, у него подруга – стюардесса, прилетает сюда раз в неделю, на один вечер, и он надеялся сегодня с ней встретиться, а тут такая накладка... вот он теперь и бросается на всех! Так что не только вам от него досталось! А вы знакомая Званцева?

В глазах журналистки читался неподдельный интерес.

– Нет. – Ирина вынуждена была разочаровать собеседницу. – Меня просили ему кое-что передать...

– Передать?

– Но только лично в руки...

– Не получится. – Девица развела руками и ретировалась.

Ирина хотела вернуться в зал, но вдруг ей навстречу вышел высокий представительный мужчина в отлично сшитом костюме в узкую полосочку. Волосы незнакомца того цвета, который называют «перец с солью», явно были знакомы с руками превосходного парикмахера, довершали облик умопомрачительные очки без оправы.

– Вы ведь Ирина Снегирева? – проговорил мужчина с неожиданной для такого красавца неуверенностью в голосе.

– Да, – ответила Ирина как могла высокомернее.

– Не могли бы вы подписать свою книгу? – Жестом фокусника он вытащил откуда-то из-за спины яркий томик.

– «Убийство в кредит», – прочитала Ирина на обложке, – это действительно моя книжка... а то иногда бывает, что меня просят подписать чужую книгу...

– Ну что вы. – Незнакомец улыбнулся, при этом у него на щеках появились потрясающие ямочки. – Что вы, разве ваши книги можно перепутать с чем-нибудь другим... у вас такой изумительный стиль, сочетающий мягкую иронию с замечательной детективной интригой...

«Какой мужчина! – думала Ирина, собираясь с мыслями. – Мало того что красавец, еще и умница!»

– Ручку дадите? – произнесла она вслух. – У нас, писателей, ручек при себе никогда не бывает...

– Зато мы, бизнесмены, без «Паркера» никогда из дому не выходим! – усмехнулся ее собеседник и протянул ей изящную ручку, то ли золотую, то ли позолоченную.

– Кому подписать? – как бы невзначай спросила Ирина. – Вашей жене, конечно?

– Почему же, я сам поклонник вашего творчества... подпишите Алексею.

«Как он, однако, ловко ушел от ответа! Так и не сказал, женат или не женат! Впрочем, чтобы такой мужчина не был женат... это было бы самое настоящее чудо! Наверняка за ним числится не менее трех жен и куча детей. Да еще и куча любовниц – прошлые, нынешние... И все отравляют ему жизнь и требуют денег».

Ирина поглядела на своего визави более внимательно и поняла, что такой мужчина способен так устроить свою жизнь, чтобы ему никто не мешал.

– Это большая редкость, – проговорила она вслух. – Большинство моих постоянных читателей – женщины, мужчины предпочитают более жесткие детективы...

– Отнюдь. – Он снова мило улыбнулся, продемонстрировав свои фирменные ямочки. – Меня привлекает в ваших книгах именно отсутствие потоков крови и кошмарных подробностей!

Ирина открыла книгу и задумалась. Автографы всегда были для нее настоящим мучением. Писать всем одно и то же не хотелось, а сочинять каждый раз что-то новое и оригинальное было для нее труднее, чем выдумывать сюжеты новых романов.

– Напишите просто – Алексею, – сказал он, как будто про-

читав ее мысли. – Ведь мы с вами пока не знакомы... хотя я очень хотел бы это исправить!

«Ну вот, он уже пошел в атаку!» – подумала Ирина, раз-
машисто написав на титульном листе: «Алексею, дружески –
И. Снегирева».

В это время из зала выглянула одна из редакционных де-
виц и окликнула Ирениного собеседника:

– Алексей Николаевич, Григорий Иванович просил вас
подойти на два слова...

«Все понятно, этот красавец мужчина – деловой партнер
владельца издательства!» – сообразила Ирина.

– Сейчас, – кивнул Алексей и протянул Ирине визит-
ку: – Я надеюсь, мы с вами еще увидимся... поговорим о ли-
тературе... не смею просить номер вашего телефона, а все
мои координаты здесь есть...

– Да, о литературе... – проговорила Ирина, провожая
взглядом красавца, и скосила глаза на картонный прямо-
угольник с золотым обрезом. На нем было напечатано: «Аба-
канов Алексей Николаевич. Торговая фирма “Якутские ал-
мазы”».

– О литературе... – повторила Ирина. – Или лучше о
бриллиантах.

С явным сожалением Ирина вернулась за столик.

За время ее отсутствия коллеги с шампанского перешли
на водку. Мармеладов подсел поближе к Сусанне и что-то

вдохновенно нашептывал ей на ухо. Та хихикала и краснела. Все шло к тому, что в ближайшем будущем из-под ее пера выйдет новый эротический шедевр, основанный на личном опыте.

Есаулов тряхнул чубом и тоже придвинулся к Ирине, решив не терять времени даром.

– Жорик, – напомнила ему Ирина, деликатно отодвинувшись, – тебе не пора звонить?

Есаулов побледнел и уставился на циферблат часов.

Дело в том, что все в издательстве знали о его ревнивой жене. Большую часть времени Есаулов находился под ее прищелком, за компьютером, создавая очередное литературное произведение, но когда ему приходилось, хотя бы ненадолго и исключительно по служебной необходимости, покинуть семейный очаг, он должен был каждый час звонить своей благоверной и сообщать, где он находится и что в данную минуту делает. Стоило ему опоздать со звонком хотя бы на пять минут, дома его ждал гарантированный скандал. Один из штатных редакторов утверждал, что сам слышал, как Есаулов звонил жене из кабинки редакционного туалета.

– Ты чего! – возмутился Жора, убедившись, что время звонка еще не наступило. – Издеваешься, да?

– И не думаю, – с самым невинным видом ответила Ирина. – Просто напоминаю... вдруг забудешь, так сказать, под влиянием момента... потом неприятностей не оберешься...

Есаулов понял намек, насупился и отодвинул свой стул.

В это время ведущий вечера откашлялся и своим бархатистым голосом произнес:

– А теперь я хочу пригласить на сцену одного из спонсоров издательства, директора торговой фирмы «Якутские алмазы» Алексея Николаевича Абаканова!

На сцену поднялся новый знакомый Ирины.

– Какой мужчина! – восхищенно прошептала Сусанна, уставившись на Абаканова. – Ну, нам-то с тобой, Ирочка, тут ловить нечего, такие мужчины интересуются только фото-моделями без единой извилины в голове!

«Вот тут, милочка, ты ошибаешься, – подумала Ирина. – А насчет извилин ты любой фотомодели сто очков вперед дашь!»

До конца вечера не произошло больше ничего интересного, если не считать того, что Сусанна с Мармеладовым дружно покинули банкетный зал, отсутствовали полчаса и потом вернулись, причем Мармеладов имел блудливо-умиротворенный вид, а Сусанна была раздражена, покрыта пятнами нервного румянца, а разрез на ее розовом платье заметно удлинился.

На следующее утро Ирина проснулась с неприятным ощущением, что над ней висит какое-то невыполненное дело.

Первой мыслью было, что скоро подходит срок сдачи в издательство новой рукописи, за которую она еще не прини-

малась. Но потом на глаза попался пластиковый пакет с логотипом телеканала «Что», и Ирина вспомнила вчерашний вечер и девушку, которая просила ее передать своему знакомому кассету.

Девушку звали Настя Лукьянова, и у нее были очень беспокойные глаза. И она говорила, что эту кассету очень важно отдать Андрею Званцеву, причем только ему, в собственные руки. Она даже сказала, что это вопрос жизни и смерти. Но Ирина, в конце концов, не виновата, что Андрей попал в аварию... в общем, надо вернуть кассету Насте, и пускай она сама с ней дальше разбирается. Ирина здесь человек совершенно посторонний.

Найдя в своей записной книжке телефон канала «Что», Ирина набрала номер и спросила у вежливой секретарши, как ей найти Настю Лукьянову.

После короткой паузы девушка ответила односложно:

– Никак.

– Что значит – никак?

– Лукьянова у нас уже почти месяц не работает.

– Вот те на! – растерянно проговорила Ирина. – Ну так дайте мне ее телефон. Мне непременно нужно с ней связаться.

– Ничем не могу помочь, – с сожалением ответила секретарша. – Мы ее сами недавно искали, и безуспешно. Домашнего телефона у нее нет, а мобильник не отвечает.

Повесив трубку, Ирина молча уставилась на телефонный

аппарат.

Ситуация сложилась какая-то идиотская. Взялась на свою голову помочь незнакомой девчонке, и теперь не найти никаких концов.

– Что делать? – спросила она, по-видимому, у телефона, поскольку больше никого перед ней не было.

Телефон ничего не ответил.

И тогда Ирина решила просмотреть злополучную кассету. Во-первых, у нее была смутная надежда, что это каким-то образом поможет ей найти странную девушку Настю. А во-вторых, понять – так ли уж важно содержимое этой кассеты, чтобы из-за нее тратить драгоценное время и носиться по городу, вместо того чтобы сесть наконец за рукопись нового романа. В общем, Ирина хотела убедиться, действительно ли это вопрос жизни и смерти.

Ирина вставила кассету в видеомэгнитофон, устроилась поудобнее в кресле и включила воспроизведение. Тут же рядом с ней возник Яша. Кокер-спаниель улегся возле ног хозяйки, поднял на нее проникновенный взгляд и глубоко вздохнул.

– Я тебя тоже люблю, – успокоила его Ирина и уставилась на экран.

Сначала по нему бежала обычная экранная рябь, потом возникла яркая заставка канала «Что». Наконец экран ожил, и на нем появилась та самая девушка Настя Лукьянова, из-за которой Ирина второй день чувствовала душевный дис-

комфорт. Ирина отметила, что на кассете девушка выглядела гораздо привлекательнее, чем вчера возле ресторана. Волосы были аккуратно причесаны, макияж в полном порядке, красивый брючный костюм – спокойная, уверенная в себе молодая женщина.

– Сегодня в Центральном выставочном зале, а проще – в Манеже, открылась выставка известного петербургского художника Сидора Вострякова, – произнесла Настя, игриво улыбнувшись в камеру. – Пользуясь этим случаем, мы решили взять интервью у председателя комитета по культуре городской администрации Николая Альбертовича Гранатова, который открыл сегодняшнюю выставку.

Камера повернулась, и на экране возник полный вальяжный мужчина лет сорока пяти в отлично сшитом темно-сером костюме и строгом синем галстуке.

– Николай Альбертович, что вы можете сказать нашим зрителям об этой выставке? – произнесла Настя за кадром.

Чиновник приосанился и заговорил:

– Я давно знаком с искусством Сидора Вострякова. Это замечательный художник и большой патриот нашего города. Думаю, каждый посетитель выставки почувствует его отношение к Петербургу и унесет с собой частичку...

Чувствовалось, что Гранатов умеет гладко и долго говорить на любую тему и получает от этого процесса несомненное удовольствие. Ирина подумала, что вряд ли такая видеозапись может представлять для кого-то вопрос жизни и смер-

ти, но решила все же досмотреть ее до конца. Фамилия чиновника показалась ей смутно знакомой, но где она ее слышала, вспомнить не удалось.

Тем временем Настя, воспользовавшись паузой в непрерывном монологе чиновника, задала ему новый вопрос:

– Николай Альбертович, вы совсем недавно вернулись в наш город из Москвы и заняли пост председателя комитета по культуре. Скажите, это как-то связано с упомянутым вами «петербургским патриотизмом»? Ведь вы – уроженец нашего города...

Чиновник поскущел, закатил глаза и недовольно протянул:

– Да... в какой-то мере... конечно, это было серьезное поручение руководства... на этом посту я постараюсь принести родному городу наибольшую пользу...

– И каковы ваши, как принято говорить, творческие планы?

– Ну, я еще не вполне ознакомился с ситуацией в сфере культуры, но уже готовлю план первоочередных мероприятий, и как только он будет создан, немедленно ознакомлю с ним представителей средств массовой информации...

– В общем, как только – так сразу, – проговорила Ирина и скосила глаза на Яшу, который уже несколько минут вел себя подозрительно тихо.

Как выяснилось, он старательно жевал ее левый тапочек и уже достиг больших результатов. Меховой помпон превра-

тился в мокрый грязно-серый комочек.

– Яша, как тебе не стыдно! – прикрикнула Ирина на пса и отобрала у него то, что осталось от тапка. – Давненько ты не позволял себе такого злостного хулиганства!

Яша обиделся и, громко стуча когтями, удалился на кухню.

Ирина снова подняла глаза на экран.

Теперь там показывали представленные на выставке картины и прохаживающихся с умным видом посетителей вернисажа. Некоторые держали в руках бокалы с шампанским. Судя по всему, это были не рядовые любители искусства, а художники, журналисты и искусствоведы. Настя задавала им традиционные вопросы и получала столь же традиционные ответы. В общем, ничего такого, из-за чего стоило бы переживать.

Сюжет закончился, и на экране появилась надпись: «Настя Лукьянова и Сергей Антипов для телеканала “Что”».

Судя по всему, Сергей Антипов был оператором, который снимал этот незамысловатый ролик.

Ирина хотела уже выключить видеомэгнитофон, но на экране появилось лицо ведущей, которая хорошо поставленным голосом вещала:

– Как сообщили нам в Смольном, вчера подписан приказ об отставке председателя комитета по культуре городской администрации Николая Гранатова. О причине этой отставки не сообщалось. Николай Гранатов занимал пост предсе-

дателя комитета всего два месяца... А теперь о погоде. Завтра в нашем городе ожидается переменная облачность...

Теперь Ирина вспомнила, почему ей показалась знакомой фамилия чиновника. Недели две назад она случайно услышала по радио сообщение о его отставке. Впрочем, ни это сообщение, ни увиденный сюжет не вызвали у нее никакого интереса. Зато у нее мелькнула мысль, как можно избавиться от кассеты. В титрах сюжета упоминалась фамилия снимавшего его оператора. Если Настя Лукьянова больше не работает на телеканале, можно отдать кассету оператору, в конце концов, он тоже имеет к ней самое непосредственное отношение. Отдать кассету и наконец приняться за работу.

На улице было прохладно, и она накинула на плечи Наташкин оранжевый шарф.

Ирина несколько раз бывала в студии канала «Что» на Петроградской стороне и без труда нашла туда дорогу. Как всегда на телевидении, здесь царила суматоха, как в дурдоме перед ревизией. По коридорам носились взмыленные девицы с круглыми от ужаса глазами.

– Где Манилов? – вопила одна из них. – До эфира четыре минуты, а он еще не появился!

– Да появится, куда он денется? – отвечала другая. – Он всегда прилетает в последний момент!

– Хорошо тебе, это не твой эфир! А он же еще не гримировался!

– Вы Верещагина? – набросилась одна из этих девиц на Ирину. – Где же вы пропадаете? Вас все ждут... – И она поволокла посетительницу по коридору, не умолкая ни на секунду: – Хороший шарф, он будет смотреться в кадре, только прическу придется изменить...

– Я не Верещагина! – воскликнула Ирина, безуспешно пытаясь вырваться.

– А где Верещагина? – Девушка застыла на месте, ошалело оглядываясь.

– Понятия не имею!

– А вы на какую передачу? «Когда не все дома»?

– Я ищу Сергея Антипова. Он мне очень нужен!

– Антипова? – Девушка захлопала глазами и окликнула пробежавшую мимо коллегу: – Фекла, ты Антипова не видела?

– Да дома он! – фыркнула та. – И не говори мне, будто не знаешь!

– А тебя это вообще не касается! Уже два месяца не касается! – вскинулась первая девушка.

Ирина напомнила о своем существовании негромким деликатным покашливанием.

– На улицу выйдете, так? – начала ее собеседница. – Перейдете дорогу, там будет такой дом, с картинами... не ошибетесь. Он живет на самом верху, на седьмом этаже...

– Номер квартиры? – потребовала Ирина.

– А черт ее знает. – Девушка пожала плечами. – Да она там

одна, мимо не пройдете!

Тут же она отскочила от Ирины и бросилась по коридору с истошным криком:

– Вы не Верещагина?

Настя проснулась от громкого стука в дверь.

В первый момент она ужасно перепугалась. Она подумала, что тот человек, киллер, вычислил ее, нашел ее убежище и теперь пришел, чтобы отправить ее туда, откуда не возвращаются.

Но уже в следующую секунду девушка поняла, что ничего страшного пока не произошло. Что киллер не станет стучать в дверь, не станет предупреждать ее о своем визите. Если он появится, это произойдет совершенно беззвучно. Скорее всего она вообще не узнает о его приходе до того, как на ее шее захлестнется удавка или раздастся выстрел из пистолета с глушителем...

– Спишь, что ли? – послышался за дверью хриплый голос, снова сменившийся громким стуком.

– Заснешь тут! – проворчала Настя и сползла с дивана.

Она заснула как была, в китайском тренировочном костюме, в неудобной позе, и теперь от этого болело все тело, а во рту был неприятный привкус, как будто она жевала картон.

– Ну, чего тебе надо?

Она открыла дверь. На пороге стоял сосед, хмурый тип со странным именем Анкидин.

– Спала, что ли? – неодобрительно осведомился Анки-

дин. – Трудящему человеку по ночам спать положено!

– Чего надо? – повторила Настя.

– Двадцать рублей дай! – произнес тот требовательным тоном. – Трудящему человеку здоровье поправить надо!

– С какой радости?

– А с такой, что я есть трудящийся человек и основа всему, а ты нетрудовой элемент, и у меня душа горит! А значит, надо принять для начала холодного пива, так что двадцати рублей пока хватит!

– Что-то я не видела, чтобы ты, трудящийся человек, когда-нибудь на работу ходил. Только и знаешь, что рубли сшибать и квасить со своими дружками.

– А это не важно! – Анкидин повысил голос: – Я по жизни трудящийся человек, по своему исключительному происхождению, и значит, ты мне по жизни завсегда должна! А если не хочешь, так я могу кому следует про твое местоположение сообщить. Тебе это предпочтительно?

– Гнида ты, а не трудящийся человек... – проговорила Настя, но тем не менее полезла в карман.

Она не могла отделаться от постоянного гнетущего страха, и слова Анкидина снова подлили масла в огонь.

«Откуда он знает, что я прячусь, что я кого-то боюсь, что я дрожу, как овечий хвост? Да по моему виду... по моему лицу... я сама себя выдаю с головой».

Анкидин выхватил у нее из руки две мятые десятки, победно взглянул и потащился восвояси, вместо благодарности

хрипло проговорив:

– Вот то-то! Помни, кто есть ты и кто есть я! – И громко, с чувством запел: – «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути...».

В эту комнату Настю пустил старый приятель, школьный еще знакомый Васька Гринбаум, который на днях уехал по делам в Штаты. Он честно предупредил ее, что сосед, Анкидин, – редкостная гнида, алкаш и вымогатель, но у Насти других вариантов не было. Дома она не могла появиться, пока все не закончится, ни к кому из друзей тоже не могла сунуться. Так что приходилось терпеть Анкидина как неизбежное зло.

Закрыв за ним дверь, она вытащила мобильник и снова включила его.

Она включала телефон очень редко, всего на несколько минут, чтобы никто не засек ее, и набирала один и тот же номер. И теперь она снова набрала его. Номер своего бывшего сослуживца Андрея Званцева.

И снова безразличный механический голос сообщил ей, что абонент временно недоступен.

Она слышала этот ответ уже несколько дней и больше не могла выносить неизвестность. Может быть, Андрея уже нет в живых?

Понимая, что очень рискует, она набрала его домашний номер.

– Можно попросить Андрея? – проговорила Настя, услы-

шав женский голос – старый и какой-то бесцветный.

– Андрея? – переспросила ее женщина, и Настя вдруг испугалась, что ее собеседница сейчас закричит. Но та все таким же ровным голосом продолжила: – А кто его спрашивает?

– Знакомая... – ответила Настя, сглотнув комок. – Сослуживица...

– А если сослуживица, ты должна все знать! – выкрикнула женщина срывающимся голосом.

– Что знать? – переспросила Настя, холодея от ужасного предчувствия. – Вы понимаете, я была в командировке...

– Андрей в больнице. – Голос в трубке снова стал ровным и бесцветным. – В тяжелом состоянии...

– Что... что с ним случилось?

– Попал в аварию...

Настя хотела еще что-то спросить, узнать, в какой больнице лежит Званцев, но из трубки уже доносились короткие гудки.

Итак, он в больнице.

Наверняка его тоже пытались убить. Тот же самый человек, из-за которого Настя несколько дней дрожит, прячется, вскакивает от каждого шороха. Значит, ей нечего ждать.

Она надеялась, что Андрей поможет ей, передаст кассету своему знакомому в правоохранительных органах и тот разберется с киллером. И все будет закончено, Настя сможет вернуться домой, проживет прежней, привычной жизнью. Но

теперь на этих надеждах можно поставить крест. Андрей ничем ей не поможет, он и себе-то не смог помочь. Авария, в которую он попал, наверняка подстроена. Если он еще жив – это чистая случайность, недоработка киллера, которую тот не преминет устранить. И кассета, на которую Настя возлагала все свои надежды, наверняка уже у него в руках.

Добиваются больших успехов в жизни только те люди, которые делают то, что по-настоящему умеют. Те, кто занимается не своим делом, так навсегда и остаются на вторых ролях.

Николай Альбертович Гранатов лучше всего умел делать вид. Он был в этом, можно сказать, настоящим профессионалом.

Эта замечательная способность проявилась у него еще в раннем детстве, когда маленький Коля Гранатов ходил в детский сад. Там Коля так умело делал вид милого, послушного, дисциплинированного ребенка, что воспитательнице Анне Григорьевне и в голову не приходило, какие каверзы он потихоньку устраивал.

– Дети! – говорила Анна Григорьевна, ласково глядя Колю по аккуратно причесанной головке. – Кто выкрасил шерстку Мурзика? Признайтесь, и я не буду вас наказывать! Только подумайте, как неприятно бедному коту ходить с зеленой шерсткой!

Коля сочувственно всхлипывал и смотрел на воспитатель-

ницу честными голубыми глазами, окончательно убеждая ее, что уж он-то совершенно непричастен к возмутительному происшествию.

— Какой у вас добрый, чувствительный ребенок! — говорила Анна Григорьевна Колиной маме. — Он просто физически не способен на плохие поступки!

— Дети! — говорила через несколько лет учительница Валентина Михайловна. — Признайтесь, кто разбил окно в кабинете физики? Кто вылил соляную кислоту в горшок с редким кактусом? Кто нарисовал усы на портрете Екатерины Великой в кабинете истории? Кто потушил сигарету о наглядное пособие? Дети, имейте смелость открыто признаваться в своих проступках!

Коля Гранатов смотрел на нее так искренне, так проникновенно, с таким глубоким сочувствием, что всегда оставался вне всяких подозрений.

Когда весь Колин класс, за исключением закоренелого двоечника и хулигана Слепнева по кличке Слепень, был дружно зачислен в комсомол, ни у кого не возникло сомнений в том, кто должен стать комсоргом: честное лицо, искренний взгляд голубых глаз и активная жизненная позиция Коли Гранатова склонили всех в его пользу.

Позже, когда большие люди решали вопросы о его новых назначениях, им было достаточно взглянуть в его прозрачные искренние глаза, чтобы увериться в надежности и преданности Николая, в том, что на него можно положиться, ему

можно доверить самую серьезную, самую ответственную работу. Самое главное – каждый новый начальник ни минуты не сомневался, что Николай будет предан только ему. Лично ему, и никому другому.

И он уверенно двигался от назначения к назначению, медленно, но неуклонно поднимаясь по карьерной лестнице. Каждый следующий кабинет становился все просторнее, каждая следующая секретарша – все сообразительнее и привлекательнее, каждое новое поле деятельности – все перспективнее. Соответственно вместе с карьерным ростом увеличивалась его квартира, улучшалась марка служебной машины, возрастали и прочие сопутствующие блага.

Правда, Николай Альбертович предпочитал трудиться на ниве не слишком конкретных свершений. Он держался ближе к идеологии, отлично понимая, что ответственность здесь несколько меньше, а пирогов и пышек перепадает даже больше, чем в любой другой области. Кроме того, именно здесь особенно полезным был его врожденный талант – умение делать вид.

Ведь если тебе поручено запустить в строй новый завод, или новый самолет, или современную телефонную станцию – делай вид или не делай, а конечный продукт раньше или позже придется предъявить. В идеологической же области все результаты настолько неуловимы, настолько неконкретны, что умело сделанный вид вполне может сойти за блестяще проделанную работу.

Со временем замечательные способности Николая Альбертовича были оценены по достоинству, и его перевели в Москву.

«В Москву! В Москву!» – с глубоким чувством восклицали чеховские три сестры.

«В Москву! В Москву!» – с не меньшим чувством восклицали все советские чиновники, и Николай Альбертович ничуть от них не отличался. Перебравшись в столицу, он решил, что начинается самый главный этап его карьеры...

И тут-то грянула перестройка.

В первый момент Николай Альбертович Гранатов испугался. Он, да и не только он, подумал, что такие люди, как он, больше не нужны, что умение делать вид более не востребовано. Но прошло некоторое время, и Николай Альбертович понял, что ничего не изменилось. Или почти ничего. Позволив по нескольким старым телефонам, он застал на прежних местах своих хороших знакомых советских времен. Их посты теперь назывались по-другому, но кабинеты они занимали те же самые, а возможностями обладали даже большими, чем прежде. И Гранатов быстро сориентировался в новой ситуации.

Он понял, что новые люди – бизнесмены, миллионеры, олигархи, – конечно, ведут широкую, яркую жизнь, покупают дворцы и яхты, произведения искусства и красивых женщин, но подлинная власть как была, так и осталась в руках чиновников, начальников, обитателей просторных москов-

ских кабинетов. Они не так заметны, как миллионеры или деятели шоу-бизнеса, но это даже лучше. В их власти разрешить или не разрешить многомиллионную сделку, утвердить или не утвердить огромный контракт, а значит – миллионеры должны с ними делиться, должны платить чиновникам за право на жизнь, за право на воздух, за право на свои миллионы.

Гранатов хорошо усвоил новые правила игры и начал стричь купоны, пользуясь выгодами своего московского кабинета.

Но он не понял или слишком поздно понял, что в новой ситуации недостаточно только делать вид. Если чиновник взял деньги, он должен их отработать.

Брать деньги Гранатов умел очень хорошо.

Он выработал на этот случай особое выражение лица, безгливое и несколько высокомерное. То есть он брал деньги с таким видом, как будто делает дающему одолжение. Можно даже сказать – благодаяние. После этого деньги следовало отработать, а именно – грамотно разделить сумму, то есть отстегнуть значительную часть вышестоящему чиновнику. И тогда все вопросы будут благополучно решены.

Но однажды случилось страшное.

Николай Альбертович взял деньги у солидной московской компании. За эти деньги он должен был сделать так, чтобы эта компания получила большой государственный заказ.

Он взял деньги у представителя компании, придав своему

лицу соответствующее случаю высокомерное выражение, и очень скоро встретился с вышестоящим товарищем, чтобы передать тому причитающуюся часть денег.

И здесь его ожидал неприятный сюрприз.

Вышестоящий товарищ не взял у него денег.

Этому могло быть только два объяснения: либо тот боялся брать деньги, зная о каких-то новых строгостях, либо он не мог их взять, потому что уже взял у другой фирмы, у конкурентов.

И второй вариант был куда более вероятным. И куда более огорчительным. Потому что строгости можно переждать, а вот конкуренты – это навсегда.

Придав своему лицу высокомерное и недовольное выражение, что он умел делать несколько не хуже Гранатова, вышестоящий товарищ процедил:

– Не могу! И не проси, Коля! Рад бы тебе помочь, но – не могу! Не все, понимаешь, в моих силах!

– Скромничаете, Иван Артурович! – Гранатов угодливо заглядывал в глаза начальника. – Уж в ваших-то силах абсолютно все! Захотите – солнце остановите!

– Солнце – может быть, – усмехнулся тот. – А в этом случае ничего не могу!

«Взял, мерзавец! – подумал Гранатов, холодея. – Взял уже деньги у конкурентов!»

Его положение было незавидным.

Поскольку положительно решить вопрос не удалось, сле-

довало как можно скорее вернуть деньги. А сделать он это никак не мог, поскольку денег уже не было.

Николай Альбертович уже успел распорядиться своей частью.

Дело в том, что Гранатов в последнее время пристрастился к игре. Нет, конечно, он не просаживал свою зарплату в игровых автоматах возле станции метро, как опустившиеся люди с лихорадочно горящими глазами и трясущимися руками. Он даже не проигрывал значительные суммы в сверкающих огнями роскошных казино, холодея от азарта и не спуская взгляда с замедляющего вращение колеса рулетки. Нет, для этого он был слишком солидным человеком.

Николай Альбертович играл в игры богатых людей.

Он играл на бирже.

Но от этого азарт, который охватывал его, когда он следил за биржевыми сводками, был нисколько не меньше, а проигрыши бывали куда большими. Ведь в отличие от рулетки и игровых автоматов игра на бирже требует недюжинного ума и аналитических способностей, а этими качествами Гранатов совершенно не обладал.

И совсем недавно он проиграл огромную сумму.

Сумму, которой у него фактически не было.

Ему охотно одалживали под относительно небольшие проценты, зная, что он сможет вернуть, воспользовавшись преимуществами своего положения. И вот, получив деньги от компании, Гранатов накануне рассчитался со своим кре-

дитором.

– Иван Артурович, как же так? – проблеял Гранатов, потирая руки и чувствуя, как земля плавно уходит у него из-под ног. – Иван Артурович, ведь мы... ведь вы... ведь я...

– Вот так, Николай! – строго проговорил начальник, давая понять, что на этот раз разговор закончен. – Не могу – значит, не могу. И прекратим этот разговор.

Гранатов понял, что это конец.

Что, пытаясь уговорить начальника, он ничего не добьется, а только усугубит свое положение.

В тот же день к нему пришел представитель крупной компании и осторожно спросил, как дела. Гранатов снова придал своему лицу высокомерное и начальственное выражение и заявил, что дела великолепны, лучше некуда.

– Я ведь взял все на себя, значит, никаких проблем не будет!

– Да? – с сомнением проговорил представитель компании. – А до меня дошли слухи...

– Нечего на пустые слухи обращать внимание!

Вечером, после рабочего дня, Гранатов сел в свою служебную машину, откинулся на мягкую спинку сиденья и задумался, что же делать дальше и как выпутаться из сложившейся ситуации.

Вдруг он заметил, что машина едет совсем не туда, куда следовало.

– Володя, – окликнул он шофера, – ты это куда меня ве-

зешь?

– Там объезд, – отозвался незнакомый голос.

Гранатов похолодел: за рулем машины сидел не Володя.

Машина свернула на набережную и остановилась. Открылась дверца, и на сиденье рядом с Гранатовым опустился плотный одышливый мужчина с коротко подстриженными седоватыми волосами.

– Кто вы? – испуганно осведомился Гранатов. – Что вам от меня нужно? Вы знаете, кто я такой?

– Отлично знаю, – выдохнул его сосед. – Ты гнида!

– Я бы попросил...

– Молчи, пока не спрашивают! Ты у меня взял деньги и не отработал их!

– Я отработаю... не волнуйтесь... – залебезил Николай Альбертович, догадавшись наконец, с кем имеет дело. – Я положительно решу ваш вопрос...

– Ни хрена ты не решишь! – прохрипел сосед. – Все уже решено! Но деньги ты мне отдашь, все до копейки!

– Непременно! Отдам! Не извольте беспокоиться! – В Гранатове вдруг прорезались тщательно скрываемые лакейские интонации.

– Отдашь. – Его собеседник мрачно усмехнулся. – Только попробуй не отдать! Сроку тебе даю ровно месяц, и ни днем больше! Сорвешь срок – пеняй на себя! Ты тогда будешь покойникам на Ваганьковском кладбище завидовать!

Он, раздраженно пыхтя, выбрался из машины. Дверца с

грохотом захлопнулась, и на этот раз Гранатова повезли домой. Но он еще долго не мог унять предательскую дрожь рук, появившуюся после этой страшной встречи.

Дальнейшие карьерные дела Гранатова не складывались. Поползли туманные слухи, что он больше не может решать вопросы и вообще выпал из обоймы. Начальство тоже стало косо на него посматривать. Рассматривался даже вопрос о его отставке. Но потом в высших сферах решили, что отставка такого заметного чиновника может вызвать ненужный интерес к его деятельности, и приняли более разумное решение.

Гранатова перевели в Петербург и назначили начальником безобидного и непопулярного среди чиновников управления культуры.

Долгое время Петербург считался кузницей кадров. Новые московские чиновники целыми отрядами вербовались на берегах Невы. Однако обратные перемещения случались нечасто, и, как правило, с очень значительным служебным повышением. Как минимум в родной город возвращались на пост губернатора.

В случае Гранатова все было в точности наоборот. Его вернули в Петербург с серьезным понижением.

Николай Альбертович был в шоке.

На новом поприще совершенно невозможно было делать такие большие деньги, к каким он привык. Культура – область не очень денежная. Самое главное – он не мог раздо-

быть огромную сумму, необходимую для покрытия долга. А ему не позволяли забыть об этом долге. По крайней мере раз в неделю к нему наведывался кто-нибудь из представителей московской фирмы и недвусмысленно напоминал, что срок возврата денег скоро истекает.

И вот когда Гранатов уже совершенно отчаялся, когда он всерьез обдумывал побег в какую-нибудь банановую республику, к нему неожиданно пришел школьный приятель, одноклассник Слепнев. Как и прежде, он носил незамысловатую кличку Слепень, но теперь эта кличка звучала громко и гордо, как королевский титул.

Теперь бывший двоечник и хулиган, гроза окрестных домохозяек и бич учителей стал криминальным авторитетом, и к его словам прислушивались очень влиятельные люди.

В первый момент Гранатов испугался бывшего одноклассника.

Он решил, что того прислали московские кредиторы, чтобы выбить злополучный долг. Однако Слепень пришел с совершенно другим разговором. То есть он, конечно, знал о сложных обстоятельствах, в которые попал Николай Альбертович. Больше того, он честно признался: если бы не эти обстоятельства, он и не подумал бы обратиться к своему бывшему однокласснику.

– Ты, конечно, теперь большой начальник, но у тебя земля горит под ногами. И тебе это нужно не меньше, чем мне. И даже гораздо больше, – начал Слепень.

А потом он сделал Гранатову совершенно неожиданное предложение.

Выслушав это предложение, Николай Альбертович пришел в ужас. Потом он немного подумал и решил, что все не так страшно, как кажется с первого взгляда. А потом еще немного подумал и понял, что Слепня ему послало само небо. Что при помощи школьного приятеля ему удастся одним махом разделаться со всеми своими проблемами. Он выдержал приличную паузу, как научился делать за годы работы на командных постах, и затем дал согласие на сотрудничество.

Высокий худощавый мужчина с длинными седоватыми волосами, забранными на затылке в пучок, был занят серьезным, ответственным делом. Он чистил оружие. Легкий пистолет из металлопластика, легендарный «глок», прекрасное, надежное изобретение австрийских инженеров, очень практичен и неприхотлив, но даже он нуждается в тщательном уходе. А настоящий профессионал отличается от любителя вниманием к мелочам. Потому что именно мелочи часто становятся причиной провала. А в его деле провал недопустим.

Мужчина еще раз нежно провел по темной поверхности кусочком замши и залюбовался своей работой. «Глок» лежал на ладони, тщательно сбалансированный и совершенный, как произведение искусства. Оставалось только накру-

тить на ствол черный цилиндр глушителя, и оружие будет готово к работе.

И в этот момент где-то совсем рядом раздался нервный писк зуммера.

Киллер распрямился, как пружина. Он давно ждал этого сигнала и уже не надеялся его услышать. Все, чем он занимался в эти часы, было только видимостью дела. Даже чистка оружия, при всей ее важности. На самом деле он ждал, ждал, ждал.

И наконец дождался.

Черная джинсовая куртка висела на спинке стула, и писк доносился из ее кармана. Мужчина достал оттуда плоскую металлическую коробочку, на верхней панели которой высветились зеленые цифры – номер мобильного телефона, с которого только что позвонили на домашний телефон Андрея Званцева.

Это был тот самый номер, который он безуспешно пытался запеленговать последние дни.

Киллер бросился к столу, на котором была собрана сложная электронная система, пробежал пальцами по клавиатуре. На дисплее высветилась карта города. Именно тот район, откуда сейчас звонили. Фрагмент карты постепенно увеличивался, выделяя все более точные границы района, еще немного, и он засечет место расположения чертова телефона, место, где прячется девчонка.

И вдруг сигнал замолк.

Девчонка закончила разговор и выключила мобильник.

Киллер вполголоса выругался. Для точной пеленгации ему не хватило буквально нескольких секунд. Он смотрел на дисплей, где жирной линией были обведены несколько домов, в одном из которых скрывается его неуловимый объект. Мрачный район возле Обводного канала. Натуральный бомжатник.

Ничего не поделаешь, придется ехать туда и работать на месте.

Высокий мужчина захлопнул дверцу машины и шагнул на тротуар.

Он окинул взглядом окружающие его дома.

Мрачные, закопченные стены из темного кирпича, глухие брандмауэры, грязные окна. Ни цветка, ни дерева.

Прямо перед ним над окном полуподвального помещения красовалась неказистая вывеска. «“У Папика”. Шаверма, шашлык, напитки».

То, что надо. Наверняка местный клуб, куда стекается вся информация. И всего в одном квартале от места сигнала.

Мужчина одернул черную джинсовую куртку, почувствовав под мышкой успокоительную тяжесть пистолета, и спустился по ступенькам, вытертым сотнями ног.

Внутри было полутемно, шумно и накурено. На экране телевизора лениво топтались по полю полусонные футболисты. За стойкой небритый хмурый бармен переругивался с

посетителями, мрачно посверкивая золотым зубом.

– Двести грамм и бутерброд, – лаконично потребовал новый посетитель.

Бармен окинул его оценивающим взглядом, толкнул по стойке стакан и тарелку с бутербродом. Подсохший кусок сыра выгнулся, как борец, вставший на «мостик». Мужчина поморщился, но не стал качать права. Он влил в глотку половину стакана, закусил бутербродом, еще раз поморщился и огляделся.

Возле телевизора сидели трое немолодых потертых мужичков с лихорадочно горящими глазами.

– Это разве футбол? – вещал один из них, энергично размахивая кривобокой воблой. – Вот как сейчас помню, в семьдесят восьмом...

– Да что ты понимаешь в футболе? – раздраженно перебил его второй, хмурый тип с редкими сальными волосами, для верности стукнув по столу пустой пивной кружкой. – Ты вот честно скажи, кто ты при прежней власти был?

– Я? – Владелец воблы огляделся по сторонам, как будто хотел уточнить, к кому еще мог обращаться собеседник. – Я был этот... эн... ин... женер!

– А я был трудящий человек! – гордо выпалил второй. – Значит, ты против меня – тьфу! Ноль целых и ноль этих... десятых! И в футболе ты ничего не можешь понимать! А я был трудящий человек и след... следственно гегемон и основа всему!

– А ин... инженер, значит, по-твоему, получается бездельник? – обиделся первый.

– Значит, так получается!

– Какой ты трудящий, – вступил в разговор третий, выпученные глаза и огромный рот которого делали его удивительно похожим на старую умную жабу. – Ты, Анкидин, сколь я тебя помню, бутылки пустые принимал!

– А это что же – не работа? – набычился «пролетарий». – Ты вот поворачай с мое ящички! Стеклотара, она знаешь какая тяжелая...

– Да чего ты, Анкидин, выступаешь, – миролюбиво проговорил бывший инженер. – Все одно мы с тобой теперь солидарные, и счастья нам нету, а все наши беды исключительно от баб! Вот взять, к примеру, моя сегодня ни за что не хотела дать на поправление здоровья...

– Что-то вы, мужики, скучные, – вступил в разговор высокий мужчина с длинными волосами. – Что-то вы нерадостные...

– А чему нам радоваться? – повернулся к нему бывший инженер и ударил своей воблой о край стола. – Вобле, что ли, этой?

– А хоть бы и вобле, – усмехнулся длинноволосый. – Вобла, она под пиво очень даже ничего...

– Так то под пиво! – вздохнул инженер. – А где ж оно, то пиво? – И он выразительно взглянул на свою пустую кружку. – Кончилось то пиво, ушло, можно сказать, безвозвратно.

– Чего ты с ним разговариваешь! – прохрипел Анкидин, мрачно уставившись на незнакомца. – Не видишь, он тебя это... при... пра... провоцирует! Только у нас с такими пра... про... привакаторами разговор короткий! В рыло не желаете?

– Ты чего быкуешь? – Длинноволосый смерил Анкидина скучным взглядом. – Я, может, угостить вас хотел...

– Угостить – это другое дело, – смилостивился Анкидин. – Угостить – это можно, это даже с нашим удовольствием! Только вот скажи: ты по жизни трудящийся человек или так?

– Трудящийся, трудящийся! – успокоил его длинноволосый и сделал знак бармену, перебираясь за стол к новым знакомым.

Через минуту на этом столе появились графин с водкой и тарелка с безвременно зачерствевшими бутербродами.

– Вы вот тут, мужики, насчет баб говорили, – начал длинноволосый, когда все приняли по стакану и заметно повеселели. – У меня тоже по этому вопросу собственное мнение имеется. От меня намедни баба ушла.

– Так это, считай, тебе сильно повезло! – оживился бывший инженер. – Вот моя бы куда ушла – я бы только радовался! Так никуда, зараза, не девается! Только в магазин.

– Это ты, может, и прав, – кивнул длинноволосый, разливая по второй. – Только я того мнения, что ей для порядка полагается рыло начистить. Чтобы неповадно было. А потом пускай идет на все четыре стороны! Мы не против.

– Вот сразу видно понимающего человека! – оживился Анкидин. – В рыло – это правильно! Это уж как водится! Ты, видно, тоже при прежней власти гегемоном был!

– Гегемоном-гегемоном! – поддакнул длинноволосый и вытащил из кармана фотографию. – Вот она, баба моя! Не видали, случайно?

– Молодая, – проговорил бывший инженер, взглянув на маленький снимок, украденный из личного дела. – Молодая!

В этом слове прозвучало сдержанное неодобрение.

– Молодая, говоришь? – заинтересовался Анкидин. – Дай-ка я тоже посмотрю!

Настя подошла к окну.

За окном ничего не изменилось – так же мрачно, серо и уныло.

Наверное, здесь, в этом районе, ничего не изменилось за последние тридцать лет. А может быть, и за сто. Те же унылые, мрачные дома из темного, закопченного кирпича, те же глухие брандмауэры, те же узкие улицы без единого деревца, без зелени. Только маслянистая, темная вода Обводного канала, проглядывающая между зданиями, немного разнообразила пейзаж.

Настя прижалась лбом к стеклу.

После звонка домой Андрею Званцеву ей стало только хуже.

Раньше у нее хотя бы была надежда. Она верила, что Ан-

дрей поможет ей, передаст кассету кому надо и все изменится. Можно будет уйти из этой ужасной комнаты, из этого мрачного дома, из этого района. Можно будет вернуться домой, к своей интересной, насыщенной жизни.

Теперь прежняя жизнь казалась ей особенно яркой, замечательной, праздничной. И недостижимой.

После звонка, после того, что она узнала об Андрее, всякие надежды приходилось оставить. Ей никто не поможет. Она будет прятаться в этой дыре, пока не сойдет с ума от страха и неизвестности. И из всех живых людей будет общаться только с Анкидином.

Вспомнив про своего соседа, Настя скривилась от отвращения.

Слава Богу, что он, получив свою подачку, ушел из дома. Жаль, что он ушел ненадолго. Вон, уже возвращается.

Входная дверь квартиры негромко скрипнула, открываясь, и едва слышно захлопнулась.

Настя напряглась.

Обычно Анкидин не был так деликатен. Он вваливался в квартиру, громко хлопая дверью и нарочно топая как слон. Да еще и распевая свою любимую песню: «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути...»

Значит, это не Анкидин.

Девушка замерла, задержала дыхание, прислушиваясь к доносящимся из прихожей звукам.

Кажется, там чуть слышно скрипнула половица. Или это

ей только показалось?

Нет, до нее снова донесся негромкий скрип. На этот раз гораздо ближе к ее комнате.

Настя едва не закричала от страха. Она зажала ладонью рот, чтобы заглушить неуправляемый, рвущийся из горла крик, и в панике заметалась по комнате.

Что делать? Что делать?

Девушка не сомневалась, что случилось то, чего она так боялась, то, чего она ждала все эти дни.

Киллер каким-то непонятным способом нашел ее, вычислил ее убежище. Ей не удалось обмануть его, не удалось замести следы, не удалось отсидеться в этой мрачной берлоге.

Может быть, она выдала себя, позвонив домой Андрею Званцеву? Говорят, что современная техника запросто может засечь любой мобильник.

Впрочем, бесполезно теперь гадать, что именно ее выдало, в чем заключался ее прокол. Важно только то, что игра закончена, что ее обнаружили.

Настя даже почувствовала какое-то странное облегчение.

Все кончено. Можно больше не волноваться, не дергаться, не думать о будущем.

Будущего просто не будет.

Девушка на секунду закрыла глаза, представляя, что ее больше нет. Что вся эта бурная, кипучая, разнообразная жизнь продолжается, но уже без нее.

Скрип донесся еще ближе, почти у самой двери.

Нет! Она не будет дожидаться смерти, сложив руки! Не будет покорно смотреть в глаза своему убийце, как кролик в глаза удаву! Она будет бороться!

Девушка сняла туфли, взяла их в левую руку и босиком, стараясь не издавать ни звука, подобралась к окну.

Вскочила на подоконник.

Одна створка окна была открыта, впуская в комнату воздух улицы, пахнувший автомобильным выхлопом, приближающейся осенью, разогретым асфальтом, застоявшейся влагой канала. Настя, стараясь не скрипнуть, раскрыла эту створку пошире и осторожно шагнула на карниз.

Под ногами разверзлась многоэтажная пропасть. Неудержимо влекущая, манящая пропасть. Сделать еще один шаг, разжать руки – и все кончится, больше не надо будет убегать, прятаться, рассчитывать свои действия...

Она закусила губу, подняла глаза, чтобы не видеть эту пропасть под ногами, выпустила створку окна и осторожно двинулась по карнизу. В нескольких шагах от нее виднелась водосточная труба. Дойти хотя бы до нее, а что будет дальше... Настя не загадывала так далеко.

* * *

Дверная ручка медленно беззвучно повернулась.

Дверь приоткрылась, и в комнату совершенно бесшумно проскользнул высокий худой мужчина лет пятидесяти, с за-

бранными в пучок седоватыми волосами.

Он мгновенно обежал комнату взглядом и убедился, что она пуста.

Неужели птичка упорхнула? Ведь Анкидин, этот алкаш, этот клинический идиот, уверял его, что она ни разу не выходила из этой комнаты!

Не выходила, а теперь вышла.

Мужчина на всякий случай обошел комнату, проверил все углы. Но спрятаться здесь было негде.

Он подошел к окну, выглянул наружу. Внизу, на асфальте, умывалась кошка.

Шестой этаж, чтобы спуститься отсюда и остаться в живых, нужно быть по крайней мере птицей. Нужно уметь летать. А люди, как известно, не летают. Не летают, как птицы.

Высунувшись из окна подальше, киллер посмотрел в одну сторону, в другую.

Справа ровная кирпичная стена тянулась до самого угла дома, слева, в нескольких метрах от окна, виднелась водосточная труба.

Нет, девчонка что-то почувствовала и ушла из дома.

Может быть, она вернется? Может быть, нужно устроить здесь засаду и ждать ее?

Ждать он умел, умел очень хорошо. Пожалуй, это он умел лучше всего остального. Ожидание было его главным профессиональным навыком. Но чутье, то самое шестое чувство, которому старый киллер привык доверять больше, чем

остальным пяти, говорило ему, что ожидание ничего не даст, что оно будет бесполезным. Девчонка ушла совсем, она не вернется в эту комнату.

Значит, придется начать все сначала, снова выслеживать ее, как дикого зверя, караулить, ждать, когда она раскроется, когда совершит новую ошибку.

В этом не было ничего страшного.

Это было нормальным рабочим моментом.

Киллер глубоко вздохнул и покинул опустевшую комнату.

На лестнице, спускаясь с шестого этажа, он столкнулся с Анкидином.

– Ну что? – с любопытством осведомился алкаш. – Проучил бабу свою? Начистил ей рыло?

– Это уж как водится, – ответил длинноволосый, улыбнувшись Анкидину, как единомышленнику и почти другу.

– Это хорошо. – Анкидин плотоядно облизнулся. – Это правильно! Чтоб понимала, кто она есть! И кто есть трудящийся человек! А то, понимаешь, много о себе думают!

– Это точно, – сочувственно кивнул длинноволосый и вдруг коротким, легким, почти незаметным ударом ткнул Анкидина чуть ниже подбородка.

Тот удивленно охнул и кувыркком полетел вниз по крутой лестнице, пересчитывая вытертые, грязные ступени головой, спиной, локтями. Впрочем, боли Анкидин уже не чувствовал, потому что умер почти в ту же секунду, как ладонь киллера прикоснулась к его горлу.

Ирина вышла на улицу и действительно увидела на противоположной стороне здание, вся стена которого была покрыта выложенными из разноцветной мозаики картинами. Здесь был маяк на берегу бушующего моря, и рыбаки с сетями, и скалы в клочьях тумана...

Ирина перешла дорогу и вошла в единственный подъезд. Внутри было темно, грязно и пахло кошками. Лифт был, но, как и следовало ожидать, он не работал. Впрочем, у этого сооружения, больше напоминающего птичью клетку, был такой ненадежный вид, что Ирина все равно не решилась бы им воспользоваться.

Она начала восхождение.

Лестница, ко всем ее недостаткам, была еще и очень крутая, и Ирина, хотя и находилась в отличной форме, скоро почувствовала себя по меньшей мере покорителем Эвереста.

Где-то наверху хлопнула дверь, загремели приближающиеся шаги.

– Не забудь «Вискас»! – раздался вслед бегущему человеку женский голос.

– Да, мама! – отозвался другой голос, девичий, и из-за лестничного поворота показалась девчонка лет пятнадцати в искусно разорванных джинсах.

Поравнявшись с Ириной, она окинула ее заинтересованным взглядом, особенно долго задержавшись на шарфе, и протянула:

– Здравствуйте!

Ирина ответила вежливой девочке и с новыми силами зашагала вверх.

Наконец восхождение завершилось, и она оказалась перед обшарпанной дверью, поперек которой красовалась крупная корявая надпись: «Антипов падонок».

Из-за двери доносились озабоченные голоса.

Поскольку других дверей на площадке не было и надпись можно было расценивать как несомненное указание, Ирина нажала на кнопку звонка.

За дверью раскатилась заливи́стая трель, но никакой реакции не последовало. Те же самые голоса продолжали свой нескончаемый разговор.

Ирина подождала минуту и позвонила еще раз.

Снова ничего не произошло.

– Но ведь кто-то есть дома, – пробормотала она и уставилась на дверь, как будто рассчитывала открыть ее взглядом. Как ни странно, именно это и произошло. То есть не то чтобы дверь открылась. Просто Ирина увидела, что она и не была закрыта. Между дверью и косяком виднелась довольно заметная щель.

Ирина толкнула дверь и вошла в квартиру, громко окликнув хозяина:

– Сергей! Я вам принесла кассету от Насти Лукьяновой!

Ей никто не ответил, только все те же голоса продолжали разговаривать в глубине квартиры.

Прихожая, в которой оказалась Ирина, была полутемной и загроможденной какими-то коробками и ящиками, поверх которых красовался яркий горный велосипед.

– Переезжать он, что ли, собирается... – пробормотала Ирина, обходя этот завал. При этом она все же ушиблась коленкой. – Сергей! – повторила она как можно громче, осторожно продвигаясь в направлении голосов. – Сергей, вы что – ничего не слышите? У вас всю квартиру вынесут, а вы и не заметите!

Голоса доносились из-за ближайшей двери. Ирина толкнула ее и вошла в комнату, прищурив глаза: после полутемного коридора она едва не ослепла. В комнате, прямо напротив двери, было огромное окно, в которое лился солнечный свет. Несмотря на это, была включена еще и люстра.

Привыкнув к яркому свету, Ирина огляделась.

Стены комнаты были увешаны большими, аккуратно окантованными фотографиями. Большею частью это были городские виды – набережные Мойки, Фонтанки, Екатерининского канала, другие живописные уголки Петербурга.

Ирина повернулась в ту сторону, откуда доносились голоса... и чуть не расхохоталась.

Это был включенный телевизор, на экране которого двое героев латиноамериканского сериала со вкусом выясняли отношения.

«– Как ты мог так поступить со своей родной дочерью, Эуженио? – вопрошала пышная брюнетка, уставившись на

плешивого старика. – Неужели в твоей душе не осталось ничего святого?»

Ирина подошла к телевизору, выкрутила звук и снова окликнула хозяина:

– Сергей, ну где же вы?

Поскольку и на этот раз никто не отозвался, она почувствовала легкое беспокойство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.